

УСТОЙЧИВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА РОССИЮ В АМЕРИКАНСКОМ ЭКСПЕРТНОМ СООБЩЕСТВЕ

И.А. Сафранчук

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр.Вернадского, 76.

.....

Автор статьи предлагает и обосновывает классификацию основных направлений дискуссии по России в американском экспертном сообществе. На основе этой классификации выделяются интеллектуальные поля, на которых формируются устойчивые системы стратегических взглядов. Разработанная методология применяется ретроспективно для описания эволюции устойчивых систем стратегических взглядов на Россию в США после распада СССР и до настоящего времени.

В статье также анализируются системы стратегических взглядов на Россию, доминирующие в настоящее время. Таких систем для современного периода 2010-х гг. выделено четыре: скептицизм, алармизм, реализм и сотрудничество без условий. Прослеживается история их возникновения, выявлены интеллектуальные основы и основные характерные черты. Автор решает не только задачу описания и систематизации, но и рассматривает взаимодействие этих взглядов в процессе дискуссий. Составленные автором схемы эволюции устойчивых систем стратегических взглядов должны облегчить восприятие итогов проведённого исследования. Предложенная методология может быть использована для анализа американских взглядов на Россию и российско-американские отношения.

.....

Ключевые слова: Россия, США, российско-американские отношения.

Предмет и методологические рамки

Во внешней политике США переплетены внутриполитические и стратегические соображения, в выработке и обсуждении которых принимают участие различные группы интересов. В дискуссиях, и не только российских, на тему внешней политики США встречаются две крайности. Одна из них заключается в том, что внешнюю политику США представляют как Большую стратегию, масштабный и долгосрочный замысел/видение [11; 12], который реализует профессиональное сообщество военных, разведчиков и дипломатов. При таком подходе, впрочем, признаются вариативность целей Большой стратегии в зависимости от мировоззренческих установок политиков и вариативность методов реализации Большой стратегии в зависимости от внутриполитических компромиссов. Или наоборот, внешнюю политику США определяют как производную от краткосрочных внутриполитических интересов, связанных с выборами, или политической борьбой между этими интересами. Это предполагает ситуативность принимаемых решений, а не реализацию Большой стратегии.

Спор о том, какие факторы – внутриполитические или стратегические – играют основную роль в принятии внешнеполитических решений в Вашингтоне, с точки зрения автора, бесперспективен. Практика показывает, что имеют значение обе эти категории, а их пропорции изменчивы и зависят от множества обстоятельств.

Российские и европейские специалисты по американской внешней политике склонны изучать американские дискуссии по внешней политике через призму мировоззренческих установок американских экспертов и политиков [1; 13] или с учётом мировоззренческих установок и внутриполитических факторов одновременно [10].

Автор исходит из того, что в ходе дискуссий внутри американского экспертного сообщества и в контактах представителей этого сообщества с американскими деловыми и политическими кругами формируются устойчивые системы взглядов, на основе которых вырабатываются практические рекомендации для действий внешнеполитического ведомства. Устойчивые системы стратегических взглядов возникают поверх делений по мировоззренческим установкам или научным школам мысли.

Исходя из этого, предметом настоящей статьи являются устойчивые системы стратегических взглядов американских экспертов на Россию, их эволюция и нынешнее состояние. Вне рамок рассмотрения остаются внутриполитические моменты, во взаимодействии с которыми описываемые устойчивые системы стратегических взглядов формируют конкретные политические решения. На практике американская внешняя политика, по гипотезе автора, не может выходить за рамки, которые

создаются устойчивыми системами стратегических взглядов, однако внутри этих рамок конкретные решения могут приниматься под существенным влиянием внутриполитических соображений.

Автор в значительной степени оперирует данными, полученными в ходе контактов с американскими экспертами в различных форматах (личные встречи, конференции). Поэтому статья представляет собой скорее результат полевых исследований (что вносит фактор субъективности, так как преобладают личные контакты), которые дополнены кабинетной работой по изучению публикаций американских экспертов. Встречи проходили в формате «не для цитирования», что вынуждает автора избегать ссылок на беседы.

Классификация стратегических взглядов американских экспертов на Россию и российско-американские отношения

Экспертная дискуссия в США разнообразна, в ней представлено множество точек зрения. Любая попытка классифицировать это разнообразие неминуемо сопровождается отказом от деталей и нюансов, что приводит к некоторым упрощениям.

Как сказано выше, автор ставит целью выделить устойчивые системы взглядов, которые формируются поверх мировоззренческих установок, внутриполитической ориентации и научно-исследовательских школ. Мировоззренческие установки, внутриполитическая ориентация и научно-исследовательские школы определяют то, как выражены и аргументированы экспертами устойчивые системы взглядов.

Предложим достаточно простую классификацию по интересующему нас основанию – отношению к России, а именно по ключевым направлениям дискуссии о России в американском экспертном сообществе, и для этого составим схему-матрицу из намерений (пожеланий) и оценок реальности.

На горизонтальной оси расположим намерения (пожелания), кем должна быть Россия для США: партнёром/другом или соперником/врагом. Всё многообразие существующих точек зрения в американской экспертной среде, в конечном счёте, тяготеет к двум базовым позициям. Одни считают, что после развала СССР Россия больше не представляет для США экзистенциальной угрозы, а значит должна быть другом или партнёром. Другие полагают, что Россия продолжает представлять для США экзистенциальную угрозу и подрывает американское лидерство, поэтому Россия – соперник или даже враг. Между двумя этими позициями на протяжении уже почти четверти века идёт постоянная борьба.

На вертикальной оси расположим оценки реальности. Однако в этой части возникают некоторые сложности. Спор американских экспертов с различными оценками реальности

■

существенно поменял фокус в середине 2000-х гг. В 1990-е и в начале 2000-х гг. в США спорили о том, имеет ли Россия значение (и если да, то какое) или нет. Одни полагали, что даже в ослабленном виде Россия остаётся важным региональным и мировым игроком, другие считали, что мнение России можно игнорировать и в целом забыть о России как о важном игроке. К середине 2000-х гг. этот спор был исчерпан, так как стало ясно, что с Россией надо или придётся считаться; позиция, что «о России можно просто забыть», перестала быть релевантной. Вместо этого стал набирать обороты другой спор: получается или нет с Россией сотрудничать (или для тех, кто выступал за жёсткую линию в отношении России, – достаточно ли жёстко США ведут себя с Россией, то есть получается ли соперничать).

Соответственно, на схеме 1 к горизонтальной оси (Россия – партнёр/друг, Россия – соперник/враг) добавим вертикальную ось с такими координатами: (Россия) «имеет значение», (Россия) «не имеет значение». На схеме 2 при той же горизонтальной оси заменим координаты вертикальной оси на такие: «получается» (сотрудничать или соперничать), «не получается» (сотрудничать или соперничать).

На схеме 1 образуются четыре поля: 1) Россия должна быть партнёром/другом США, но при этом Россия не имеет значения; 2) Россия должна быть партнёром/другом США, Россия имеет значение; 3) Россия остаётся соперником/врагом США, но Россия не имеет значения; 4) Россия – соперник/враг, и она имеет значение.

На схеме 2 тоже образовались четыре поля: 1) Россия должна быть партнёром/другом США, в сочетании с оценкой, что эти ожидания оправдываются; 2) Россия должна быть партнёром/другом США, в сочетании с оценкой, что так не получается; 3) Россия – соперник/враг США, в сочетании с оценкой, что открытого соперничества нет; 4) Россия – соперник/враг США, в сочетании с оценкой (положительной), что открытое соперничество разворачивается.

Расположим схемы рядом (см. ниже) таким образом, чтобы удобно было показать трансформацию на этих полях систем стратегических взглядов, особенно при смене координат дискуссии в середине 2000-х гг.

**Исторический контекст
российско-американских отношений
в рамках выбранной классификации
американских стратегических взглядов
на Россию**

В 1990-е гг. в американских экспертных и политических кругах доминировало представление о том, что Россия будет партнёром США. При этом от России ждали глубоких внутренних реформ и отказа от геополитических амбиций. Дискуссия шла о том, насколько значима Россия для мировых дел.

Значительная часть экспертов считала, что Россия совсем неважна, поэтому о ней можно, образно говоря, забыть, то есть не принимать во внимание (игнорировать) мнение России по важным мировым делам. Подчеркнём, что эта позиция была основана не на враждебности к России, а на неверии в её значимость для мировой политики. Поскольку на таких позициях оказалась и часть прагматиков-реалистов, то в рамках этой системы взглядов они полагали целесообразным использовать слабости России для получения практических выгод, когда это возможно.

Столь же значительная часть экспертов считала, что даже в ослабленном виде Россия – это важный игрок (о степени значимости постоянно спорили) и с ней надо сотрудничать. Эти эксперты формировали мнение, что в отношении России нужно проводить политику «вовлечения/сотрудничества» (engagement). Впрочем, о масштабах такого сотрудничества тоже спорили. Одни (признававшие сохраняющуюся значимость России, но в ограниченных масштабах) считали, что политика «вовлечения» должна действовать в отношении России, так сказать, на стандартных условиях (США проводили такую политику в отношении большинства стран мира), а значит, Россия будет «обычным» партнёром США, с которым возможно выборочное сотрудничество. Другие (признававшие большую значимость России и имевшие позитивные взгляд на Россию) полагали, что США должны сделать Россию особым партнёром и выступали за широкое сотрудничество, вплоть до союзнических отношений. В понимании автора, это не просто подгруппа в системе взглядов сотрудничества. «Выборочное сотрудничество» и «широкое сотрудничество» представляли собой две самостоятельные системы взглядов, поскольку разница между ними не количественная (в оценке желательных масштабов сотрудничества), а качественная (в понимании того, какова должна быть природа отношений с Россией). Система взглядов широкого сотрудничества с Россией была значительно слабее системы взглядов выборочного сотрудничества.

В 1990-е гг. разрабатывали свою интеллектуальную нишу и те, кто даже после развала СССР видел в России угрозу для США. Среди них тоже шли дискуссии, и оценки угрозы варьировались: кто-то видел в России врага, представлявшего экзистенциальную угрозу, а кто-то – обычного соперника, который имеет отличные от США интересы и при первой возможности будет их реализовывать. Но в начале 1990-х гг. сторонники таких взглядов признавали слабость России и соглашались с тем, что Россия не имеет особого значения для мировых дел, их антироссийская аргументация уходила в направлении того, почему такое положение надо сохранять. К концу 1990-х гг. эти эксперты стали занимать более жёсткие позиции, считая,

■ Мировая политика

что Россия получает возможность проводить антиамериканскую политику и этому надо активно противодействовать.

Таким образом, большую часть 1990-х гг. были заняты три из четырёх интеллектуальных полей в категориях составленной нами схемы-матрицы (см. схему 1): 1) Россия – партнёр/друг, но она не имеет значения (основная система взглядов на этом поле – «не обращать внимания, но использовать слабости»); 2) Россия – партнёр/друг, она имеет значение (здесь превалировала система взглядов «сотрудничать выборочно», но также значимой была система взглядов «сотрудничать широко»); 3) Россия – соперник/враг, но она не имеет значения (основная система взглядов – «не дать подняться»).

На практике ни одна из систем взглядов не была в 1990-е гг. доминировавшей. Потенциально могли сложиться коалиции между двумя системами взглядов: либо по основанию, что Россия – партнёр/друг (коалиция между системами взглядов «сотрудничать выборочно» и «не обращать внимания, но использовать слабости»), либо по основанию, что Россия не имеет значения (коалиция между системами взглядов «не обращать внимания, но использовать слабости» и «не дать подняться»). В первой половине 1990-х гг. сложилась первая из этих коалиций. Администрации Дж. Буша-ст. и Б. Клинтона балансировали между системами взглядов «сотрудничать выборочно» и «не обращать внимания, но использовать слабости». Определённое влияние на практическую политику оказывала система взглядов «сотрудничать широко». Сторонники системы взглядов «не дать подняться» также оказывали некоторое влияние на администрацию Б. Клинтона, но главным образом критиковали её. В то время такая система взглядов была востребована преимущественно оппозиционными политиками-республиканцами.

Поле «Россия – соперник/враг, и она имеет значение» в 1990-е гг. некоторое время было маргинальным. На нём оказалась часть отставных советологов с резко негативным взглядом на Россию и неисправимые русофобы. Идти в их интеллектуальную нишу не могли себе позволить большинство мейнстримовских экспертов.

В конце 1990-х гг. и в начале 2000-х гг., на фоне нарастания противоречий между Россией и США по ряду региональных и глобальных проблем, особенно в период югославского кризиса [8; 15], спор о том, имеет ли Россия значение, стал постепенно затухать, поскольку становилось понятно, что имеет. В таких условиях системы взглядов на двух интеллектуальных полях, сформированных на базе тезиса о малозначимости России, должны были приспособиваться к ситуации.

Сторонники системы взглядов «не дать России подняться» стали быстро переходить с ин-

теллектуального поля «Россия – соперник/враг, но она не имеет значения» на поле «Россия – соперник/враг, и она имеет значение». Они всё активнее критиковали как антизападный курс внешней политики России, так и политику Клинтона, требуя от него большей жёсткости и решительности в отношениях с Москвой. На новом поле обозначим эту систему взглядов как «алармизм», поскольку её ключевыми тезисами были угрозы или вызовы со стороны России для США. В этой системе взглядов продолжался внутренний спор. Он шёл между теми, кто видел в России экзистенциальную угрозу по причине разного набора ценностей и геополитических традиций (они блокировались с отставными советологами и русофобами, резко критиковавшими Россию) и прагматиками, которые считали, что дело не столько в ценностных и исторических категориях, сколько в разном наборе практических интересов. Первые считали, что Россия не может быть партнёром/другом США в принципе, по концептуально-историческим причинам. Вторые, перефразируя известное выражение – «ничего концептуального, просто бизнес», полагали, что дело не в абстрактных категориях.

Сторонники системы взглядов «не обращать внимания, но использовать слабости» уходили с интеллектуального поля «Россия – партнёр/друг, но она не имеет значения». Те из них, для кого в прежней системе координат было важнее основание, что Россия – партнёр (и если теперь она имеет значение, то имеет смысл с ней сотрудничать) переходили на поле «Россия – партнёр/друг, и она имеет значение», где примыкали к системе взглядов выборочного сотрудничества. Те, для кого в прежней системе координат было важнее основание, что Россия не имеет значения (поэтому если теперь имеет, то надо её удерживать от усиления) переходили на поле «Россия – соперник/враг, и она имеет значение», где примыкали к системе взглядов алармистов.

Ко времени формирования администрации Дж. Буша-мл. две большие альтернативы представляли системы взглядов выборочного сотрудничества и алармизма. Для команды Дж. Буша-мл. это был не самый лучший выбор. Гипотетически можно предположить, что самым удобным было бы перегруппировать интеллектуальную коалицию: вместо коалиции по основанию «Россия – партнёр/друг», создать коалицию по основанию «Россия не имеет значения». В этом случае партнёром системы взглядов «не обращать внимания, но использовать слабости» стала бы система взглядов «не дать подняться» (а не «сотрудничать выборочно», как при Клинтоне). На такую коалицию взглядов оказывали бы влияние алармисты с их критикой России, а вот влияние системы взглядов широкого сотрудничества было бы практически сведено к нулю. Такое гипотетическое предположение основано на том, что превалявшие в адми-

нистрации Дж. Буша-мл. неоконсерваторы и присутствовавшие там реалисты-прагматики при всех их разногласиях всё-таки сходились на том, что у США в мире много дел и не хотели отвлекаться на Россию, занимая при этом по отношению к ней жёсткую позицию.

Риторика администрации Дж. Буша-мл. сразу после её формирования можно трактовать как попытку вести политику на основе критического отношения к России, но всё ещё с позиций, что она не имеет значения. Это было затруднительно потому, что сторонники системы взглядов «не дать России подняться» быстро переходили на позиции алармизма, а сторонники системы взглядов «не обращать внимания» переходили на позиции алармизма или выборочного сотрудничества. Кроме того, весной, летом и осенью 2001 г. в силу стечения обстоятельств администрация Дж. Буша-мл. сделала шаги к нормализации отношений с Россией. Это было связано не только с терактами 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, но и с обострением американо-китайских отношений. В рамках такой нормализации критика в адрес России была смягчена, а вместо того, чтобы игнорировать Россию, решили с ней сотрудничать. Для такого курса была готовая интеллектуальная база в виде сильной системы взглядов выборочного сотрудничества.

В результате политика администрации Дж. Буша-мл. в отношении России тяготела к системе взглядов выборочного сотрудничества. Эта система взглядов усиливалась за счёт перехода на её позиции части сторонников системы взглядов «не обращать внимания». И поскольку курс на выборочное сотрудничество стал фактически официальным, часть алармистов (особенно из числа реалистов-прагматиков, которые перешли в алармизм из системы взглядов «не дать России подняться») также примкнула к системе взглядов «выборочного сотрудничества». Впрочем, на практическую политику администрации Дж. Буша-мл. оказывали существенное влияние и алармисты, среди которых было много внутривнутриполитических союзников администрации. А вот система взглядов «широкого сотрудничества» имела почти нулевое влияние на практическую политику.

Необходимо отметить, что обоснование системы взглядов выборочного сотрудничества для администрации Буша-мл. было не совсем таким же, как для администрации Клинтона. У администрации Буша-мл., как и у предыдущей администрации, сохранялся оптимистический расчёт, что внутренние реформы будут способствовать занятию Россией умеренных геополитических позиций. Но более важным стало соображение: лучше Россия как сложный партнёр, чем Россия на стороне врагов. Врагов у администрации Буша-мл. было много, так что на их фоне Россию были готовы оставить в относительном покое.

В середине 2000-х гг. произошла очередная смена координат. Как уже было сказано, дискуссия о том, имеет ли Россия значение, была исчерпана, поскольку стало ясно, что она усиливается [25; 30]. Возникла новая категория для оценки реальности: каждая система взглядов стала давать оценку, получается ли реализация их программы. Шли дебаты о том, получается ли с Россией сотрудничать. Для тех, кто выступал за жёсткую линию в отношении России, вопрос состоял в том, достаточно ли жёстко США ведут себя с Россией: получается ли соперничать.

Существовавшие к тому времени системы взглядов перешли на новую систему координат (см. схему 2). И хотя в новых координатах по-прежнему сильнее других осталась система взглядов выборочного сотрудничества, а её главным оппонентом – система взглядов алармистов, практически сразу после смены координат (или даже одновременно с этим) пошёл процесс перегруппировки систем взглядов.

Проблемы в отношениях России и США нарастали весь период президентства Дж. Буша-мл. [4; 16; 17; 18]. На этом фоне всё меньше экспертов были готовы давать однозначный утвердительный ответ на вопрос о том, получается ли выборочное сотрудничество с Россией. Ответ либо был утвердительным, но с оговорками, либо отрицательным.

Зато алармисты чувствовали себя всё увереннее: они агитировали за соперничество с Россией в региональных и глобальных вопросах и сетовали, что этого не происходит. К концу президентского срока Дж. Буша-мл. его администрация уже балансировала между системами взглядов выборочного сотрудничества и алармизма, и его сторонники постоянно и заметно усиливали свои позиции. После кавказского кризиса 2008 г. алармисты стали переходить с поля «Россия – противник/враг, но открытого соперничества пока нет» на поле «Россия – противник/враг, разворачивается открытое соперничество» [19; 28].

Сторонники системы взглядов выборочного сотрудничества, наоборот, быстро теряли позиции. В новых координатах система взглядов выборочного сотрудничества не просто слабела, она трансформировалась. Её сторонники переходили с интеллектуального поля «Россия – партнёр/друг США, и сотрудничество получается» на поле «Россия должна была бы стать партнёром/другом США, но этого не получается», на котором формировали две новых системы взглядов – скептицизма и реализма.

В середине 2000-х гг. в США начала складываться система взглядов, которую можно охарактеризовать как «Россия-скептицизм». Первоначально скептики считали, что Россия должна была бы стать партнёром/другом США, но этого не получается из-за незаконченности экономических и политических реформ в России [26; 27; 30]. Одновременно они полагали,

■ Мировая политика

что врагом США Россия тоже не станет, что отличало их от алармистов.

Стала обособливаться и система взглядов реалистов. Реалисты полагали, что Россия имеет значение и с ней необходимо иметь дело, в смысле сотрудничать (это отличало их от алармистов). Причём иметь дело надо с такой Россией, как она есть (в этом отличие от скептиков). Можно сказать, что реалисты остались на позициях выборочного сотрудничества, но в новой системе координат их систему взглядов правильнее называть именно реализмом, поскольку её отличие от других систем взглядов состоит не в характеристике масштабов сотрудничества, а в тезисе, что можно и нужно иметь дело с существующей Россией [22; 23; 24]. В предыдущие годы реалисты были разбросаны по разным системам взглядов: «не обращать на Россию внимания» (с привлечением в эту систему элемента «использовать слабости»); «не дать подняться»; алармизм (с тезисом, что соперничество с Россией имеет не концептуально-исторические основания, а прагматическую разницу в интересах), «сотрудничать выборочно». Пожалуй, только в системе взглядов широкого сотрудничества реалисты отсутствовали вовсе или присутствовали минимально. Но парадоксальным образом именно после обозначенной смены координат дискуссий и обособления в самостоятельную систему реалисты стали готовы к сотрудничеству с Россией более широко, чем в подходе выборочного сотрудничества, даже несмотря на общий отрицательный фон в двусторонних отношениях.

Сторонники широкого сотрудничества с Россией с поля «Россия должна была бы стать партнёром/другом США, но этого не получается», частично уходили в скептицизм, а частично формировали новую систему взглядов «сотрудничества без условий». В принципе их взгляды оставались прежними, но, взаимодействуя с новыми системами стратегических взглядов в изменившейся системе координат, они меняли фокус своих тезисов. Их понимание природы взаимоотношений с Россией осталось прежним: Россия – нормальная часть Запада (отличие от скептиков и алармистов), она должна и может быть полноценным партнёром и даже союзником США (вновь отличие и от скептиков, и от алармистов). В изменившихся условиях сторонники широкого сотрудничества стали доказывать, что для сотрудничества с Россией не должно выдвигаться условий [14].

Таким образом, вторая администрация Дж. Буша-мл. и начало администрации Б. Обамы – это период смены координат в американских экспертных дискуссиях о России и перегруппировка систем стратегических взглядов на Россию, когда подход выборочного сотрудничества перерождался в скептицизм, а алармизм укреплялся.

Попытка «перезагрузить» российско-американские отношения при администрациях Д.

Медведева и Б. Обамы давала импульс для того, чтобы удержать систему взглядов выборочного сотрудничества от полного перерождения в скептицизм и несколько осадить алармистов. Однако «перезагрузка» лишь ненадолго притормозила развитие скептицизма и укрепление алармизма. После провала «перезагрузки» и нарастания российско-американских разногласий обе эти системы взглядов значительно укрепились. В дальнейшем практическая политика Б. Обамы превратилась в компромисс между позициями скептиков и алармистов, хотя некоторое влияние на неё оказывают и реалисты.

Современные экспертные мнения в США по российско-американским отношениям и направления их развития

В настоящее время можно обозначить две доминирующие системы взглядов американских экспертов на Россию: скептики и алармисты. Ограниченным влиянием обладает устойчивая система реалистов; практически нулевое влияние у сторонников сотрудничества без условий. Располагаются перечисленные системы взглядов на двух полях составленной нами матрицы (схема 2): сторонники сотрудничества без условий, реалисты и скептики – на поле «Россия должна была бы стать партнёром/другом, но этого не получается», алармисты – на поле «Россия – соперник/враг, и это получается (разворачивается открытое противостояние)».

Скептики сохраняют свои базовые положения о том, что Россия не стала партнёром США из-за незаконченности внутренних реформ. После 2012 г., когда В. Путин вернулся на пост президента РФ, американские скептики стали во всё большей степени персонифицировать «российский вопрос». Проблема незаконченности российских реформ сводится у них если и не полностью, то в значительной степени к фигуре российского президента. С 2014 г., после введения санкций и на фоне негативных тенденций в российской экономике скептики стали формулировать идею «упадка России», который видится им устойчивым трендом. В их интерпретации международная активность является следствием не силы, а слабости: не справляясь с проблемами внутреннего развития, Россия компенсирует это активными (в их интерпретации, агрессивными) действиями на международной арене. На практическом уровне они предлагают политику «управления упадком России» (to manage Russia's decline), которая сводится к тому, чтобы:

1) всячески осложнять жизнь представителям российской элиты и делать это более-менее пропорционально их предполагаемой близости к фигуре российского президента;

2) наблюдать за «упадком России» и ждать критической точки, когда Россия будет готова к существенной корректировке своей внутренней и внешней политики (признаётся, что на это потребуется неизвестное количество вре-

мени – от года до примерно десяти, но коллапс нынешней системы власти в России видится скептикам неизбежным, и они ожидают его в любой момент на этом отрезке времени), сохраняя постоянную готовность к переменам в России и осторожно их стимулировать методами «мягкой силы»;

3) пока не произойдёт того, что ждут в предыдущем пункте, скептики считают необходимым активно сдерживать внешнеполитические проекты России.

Образно говоря, скептики считают, что Россия «больна» (неправильное направление внутреннего развития), эта «болезнь» будет обостряться, и надо пока оставить Россию наедине с «болезнью» в ожидании ослабления страны, но при этом не дать ей «заразить» других в период, возможно, длительного протекания «болезни». Скептики воспринимают Россию скорее как помеху, нежели как угрозу.

Алармисты считают, что Россия находится на подъёме. Подчеркнём, что они критически настроены по отношению к системе власти в России, но считают эту систему достаточно эффективной. По мнению алармистов, Россия становится сильнее, что позволяет ей проводить всё более настойчивую внешнюю политику, а её геополитические амбиции растут. Поэтому на практическом уровне алармисты предлагают политику активного и широкого противодействия России. При этом алармисты исходят из соображения, что в сравнении с временами холодной войны современная Россия в экономическом и военном плане слабее Советского Союза, а США, наоборот, – сильнее. Поэтому главное – действовать максимально решительно, и тогда с Россией можно будет справиться, то есть заставить её отказаться от геополитических амбиций. Исходя из этого, расширение противоборства выгодно США: надо активно «прессинговать» Россию, расширяя географию и повышая интенсивность соперничества, чем масштабнее будет конфликт с Россией (есте-

ственно, на доядерном уровне), тем рельефнее будут проявляться преимущества США.

Реалисты исходят из того, что надо иметь дело с такой Россией, как есть [23]. Тратить время и силы на попытки её изменить или на пассивное ожидание таких изменений нецелесообразно. Реалисты не против внутривнутриполитических изменений в России, просто они не считают, что такие изменения должны быть целью американской внешней политики. Реалисты исходят из того, что Россия стала сильнее, и это объективно меняет условия развития отношений. Надо искать решения на нынешнем уровне баланса сил за счёт разменов с учётом интересов России и США [20], а не пытаться кардинально изменить сложившиеся условия. В определённой степени такая позиция реалистов основана на убеждении в том, что в мире есть более важные проблемы, чем В. Путин лично или Россия в целом. Нужно формировать новые региональные порядки, думать о том, как изменится мир под влиянием новых технологий. В общем, нужно строить мир будущего, а не замыкаться на проблемах прошлого. Россия неминуемо будет важной частью быстро меняющегося мира, поэтому с ней надо иметь дело. Реалисты имеют варианты разменов практически по всем сложным вопросам российско-американских отношений, в том числе по «украинскому кризису» [22], однако признают, что реализовать их в нынешних условиях невозможно из-за неготовности политиков принять такие решения. Подчеркнём, что реалисты не готовы соглашаться с Россией, но, по крайней мере, они готовы говорить и торговаться.

Сторонники сотрудничества без условий сформировались из того костяка сторонников широкого сотрудничества с Россией, которые считали, что такое сотрудничество не должно обставляться никакими условиями. Они признают принцип равноправия в отношениях с Россией. Они, как правило, очень критически настроены по отношению к официальной по-

Таблица 1.

	Скептики	Алармисты	Реалисты	Сотрудничество без условий
Вектор развития России	упадок: Россия слабеет	подъём: Россия становится сильнее	признают и негативные и позитивные тенденции	Россия – нормальная, со своими особенностями часть Запада
Проблема в ...	В. Путине и его элите	России как таковой	избегают однозначных формулировок	подходе западных стран
Решение	«осада» России и активное сдерживание её внешней политики	активный «прессинг» России, противодействие России на международной арене	иметь дело с такой Россией, какая есть; размены с учётом интересов РФ и США	корректировать подход западных стран и сотрудничать с Россией
Цель	дождаться коллапса нынешней системы в России и строить «другую Россию» (глубокие внутренние реформы)	ослабить Россию и заставить её отказаться от геополитических амбиций	строить новый миропорядок в тех условиях, которые есть (фактически признание многополярности), не пытаться изменить мир вообще и Россию в частности «под себя»	выстраивать партнёрские или даже союзнические отношения с Россией

■ Мировая политика

литике США практически по всем вопросам [14], особенно в той её части, которая ведётся по рекомендациям алармистов. Поэтому в дискуссиях об американских действиях оптимисты находятся в постоянной жёсткой оппозиции, прежде всего, к алармистам. Сторонники сотрудничества без условий позитивно или нейтрально высказываются о российской внешней и внутренней политике, что ставит их в оппозицию и к алармистам и к скептикам.

Акценты позиций скептиков, алармистов, реалистов и сторонников сотрудничества без условий суммированы в таблице 1.

Важно не только то, какие подходы у каждой из обозначенных систем взглядов, но и их взаимодействие.

Алармисты и скептики формируют базовые решения по России для нынешней американской администрации не только потому, что представляют две самые большие системы взглядов, но и потому, что, несмотря на важные отличия в позициях, находят общее основание – критическое отношение к современной России, её неприятие. Это позволяет им найти компромисс и по целям, которые, в конечном счёте, сводятся к тому, чтобы ограничить геополитические амбиции России. Но алармисты и скептики сильно расходятся в рекомендациях относительно практических средств и методов политики США в отношении России. По этим вопросам компромисс между ними невозможен, а на практике реализуются одновременно обе программы: алармистов (жёстко «прессинговать» Россию и раздувать конфликты) и скептиков (брать Россию «в осаду» и сдерживать её внешнеполитические инициативы).

Реалисты не могут сравниться по влиятельности ни с алармистами, ни со скептиками. Скептики прочно закрепили тезис о том, что «Россия разочаровала». Поэтому аргументы о том, что можно иметь дело с современной Россией [22], трудно отстаивать на уровне политических дискуссий. Алармисты же прочно закрепили тезис о недопущении того, чтобы кто-то открыто бросал вызов США. Риторика же официальных лиц России зачастую воспринимается в США именно как попытка бросить вызов США. Тезис реалистов о том, что надо иметь дело с Россией, какая она есть, разбирается о риторике алармистов, что нельзя оставить без жёсткого ответа попытку России бросить вызов США. Получается, что базовые позиции алармистов и скептиков вписываются в пространство допустимого в американских политических кругах, а базовая позиция реалистов выходит за пространство политически допустимого в Вашингтоне (хотя в Нью-Йорке с участием деловых кругов воспринимается лучше).

Тезисы реалистов как бы «размываются» в дискуссиях с алармистами и скептиками. Алармисты и скептики находят компромисс между собой по целям политики США в отно-

шении России, но спорят о методах (на практике реализуются оба набора рекомендаций). Реалисты не согласны ни с алармистами, ни со скептиками относительно целей (и этот спор пока полностью проигрывают), но в силу природы своих взглядов не идут на слишком острый спор с алармистами и скептиками относительно методов. Одни реалисты ограничиваются постановкой вопроса относительно масштабов и границ использования методов алармистов и скептиков, доказывая, что «осада» или «прессинг» России не должны становиться самоцелью, а стало быть, должны быть границы применения этих методов, после которых целесообразно переходить к переговорам. Другие реалисты доказывают, что если уж холодная война началась, то надо думать о том, как пережить её с минимальными потерями, сделать по возможности короткой и безопасной [2]. Аргументы подобного рода создают для реалистов общую базу со сторонникам сотрудничества без условий, но чаще ведут их к молчаливому согласию со скептиками (которые тоже хотят взять Россию в «осаду» с минимальными рисками и поэтому спорят с рвущимися в «бой» алармистами). Результат: реалисты не имеют политического веса, чтобы спорить со скептиками и алармистами по базовым целям политики в отношении России, а спор по методам не является приоритетным для одних реалистов, тогда как другие занимают в нём промежуточные позиции (ближе к скептикам).

Сторонники системы взглядов сотрудничества без условий не согласны ни с целями, ни с методами (особенно алармистов) американской политики в отношении России. Однако в своих напаках на алармистов и скептиков в части целей политики они не находят поддержки у реалистов. Реалисты и так чувствуют себя некомфортно, оказавшись за пределами политически приемлемого в Вашингтоне, поскольку они заинтересованы не в критике текущей политики, а в возвращении своего влияния на практическую политику. Сторонники сотрудничества без условий в настоящее время находятся вне рамок политически приемлемого в Вашингтоне в гораздо большей степени, чем реалисты. Исходя из этих соображений, в дискуссиях о целях американской политики в отношении России реалисты дистанцируются от сторонников сотрудничества без условий (хотя по сути вопроса между ними вполне возможен компромисс и интеллектуальная коалиция) ради сохранения и надежды на расширение своего влияния на практическую политику. В части критики методов американской политики сторонники сотрудничества без условий имеют ещё меньше оснований рассчитывать на поддержку реалистов, поскольку, как сказано выше, реалисты дистанцируются от спора по методам. Сторонники сотрудничества без условий готовы активно спорить о методах (особенно с алармистами), но они не могут вклиниться (или

их не пускают) в спор алармистов и скептиков по методам политики текущей администрации. К настоящему времени сторонников сотрудничества без условий вывели в разряд маргиналов, «за поля» основных дискуссий в Вашингтоне¹. И это очень выгодно алармистам. Если по каким-то пунктам алармисты подвергаются критике со стороны сторонников сотрудничества без условий, то по этим пунктам критика со стороны скептиков и реалистов смягчается (чтобы дистанцироваться от сторонников сотрудничества без условий, не оказаться с ними «в одной компании»).

Таким образом, сторонники сотрудничества без условий хранят набор позитивных тезисов относительно России, но не оказывают никакого влияния не только на практическую политику, но и на содержание основных дискуссий в Вашингтоне. Впрочем, их позиция в динамике дискуссий с другими системами взглядов имеет определённое значение: парадоксальным образом помогает алармистам (вопреки намерениям самих сторонников позиции сотрудничества без условий).

Заключение

Для России сложившаяся ситуация в Вашингтоне, где доминируют взгляды алармистов и скептиков, неблагоприятна. Неудачи скептиков будут усиливать позиции алармистов и наоборот; пока непонятно, в какой точке и при каких условиях обсуждение в Вашингтоне курса в отношении России может выйти

из этой дихотомии. При этом ни алармисты, ни скептики не смогут монополизировать повестку дня. Между ними сложилось примерное равенство сил. Поддержанию такого баланса служит и то, что многие вашингтонские эксперты находятся вне доминирующих устойчивых систем взглядов. При этом они не формируют новые устойчивые системы взглядов: просто не присоединяются к существующим, выдерживая нейтралитет по отношению к скептикам и алармистам, лавируя между ними и нащупывая компромиссные позиции. Это свидетельствует, что в американском экспертном сообществе есть запрос на корректировку существующего интеллектуального пространства и формирование новых систем взглядов. Но темпы реализации такого запроса предсказать сложно. Можно предположить, что сложившийся баланс между скептиками и алармистами при значимом количестве «нейтральных экспертов» создаёт условия для развития системы взглядов реалистов, к которым в растущей степени могут тяготеть «нейтральные».

При смене администрации в Вашингтоне в 2017 г. наверняка возникнет импульс к пересмотру отношений с Россией. Однако его сила может быть недостаточна для выхода в ближайшие годы за пределы сложившихся системы взглядов. Поэтому нельзя исключать, что алармисты и скептики будут определять американскую политику в отношении России ещё один политический цикл, хотя при этом возможно некоторое увеличение влияния реалистов.

Список литературы

1. Конышев В.Н. Американский неореализм о проблемах мировой политики // Американский Ежегодник. 2006. С. 102-135.
2. Легвольд Роберт. Как справиться с новой холодной войной // Россия глобальной политике. 2014. № 3.
3. Сафранчук И.А. Афганистан в поисках баланса // Россия глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 112-117.
4. Сафранчук И.А. Путешествие в разных лодках // Россия глобальной политике. 2008. Т. 6. № 5. С. 151-161.
5. Сафранчук И.А. Афганская проблема в региональном контексте // Россия глобальной политике. 2009. Т. 7. № 3. С. 181-189.
6. Сафранчук И.А. Эволюция позиции США в отношении роли Китая в Центральной Азии // Международная жизнь. 2015, Август. С. 98-107.
7. Сафранчук И.А. Глобализация в головах. Центральная Азия и Евразийская интеграция // Россия глобальной политике. 2015. Т. 13. № 1. С. 120-126.

¹ Вот что на этот счёт говорит Стивен Коэн, которого автор настоящей статьи считает главным представителем этой системы взглядов: «...нам надо понять своё собственное бедственное положение. Нас, оппонентов американской политики, которая внесла столь удручающий вклад в нынешний кризис, очень немного. Мы неорганизованны, у нас нет влиятельных сторонников. Я достаточно стар и знаю, что наши позиции существенно отличались в 1970-х и 1980-х гг., когда мы боролись за разрядку международной напряжённости. Мы были в меньшинстве, но – в существенном меньшинстве. У нас были союзники наверху, даже в Конгрессе и Госдепартаменте. О наших взглядах писали ведущие газеты, говорили на радио и телевидении. Мы не только пользовались поддержкой снизу; у нас даже было собственное лобби в Вашингтоне — Американский комитет за согласие между Востоком и Западом, в правление которого входили главы корпораций, политики, известные учёные и государственные деятели такого калибра, как Джордж Кеннан. Сегодня ничего этого нет. У нас нет выхода на администрацию Обамы, практически нет доступа к Конгрессу, который стал двухпартийным оплотом политики холодной войны, и нас очень редко пускают в средства массовой информации основного направления» [14].

Схема № 1

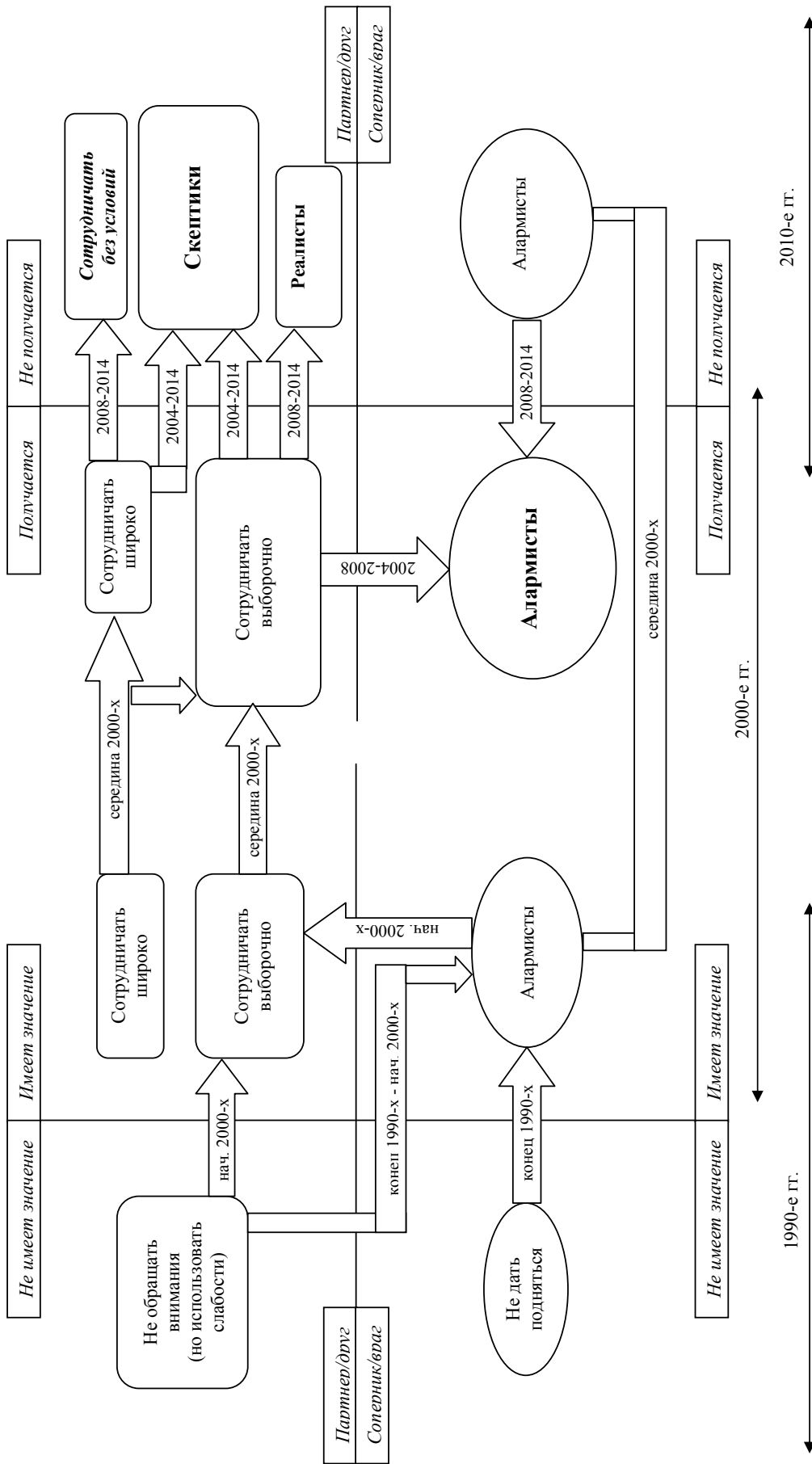
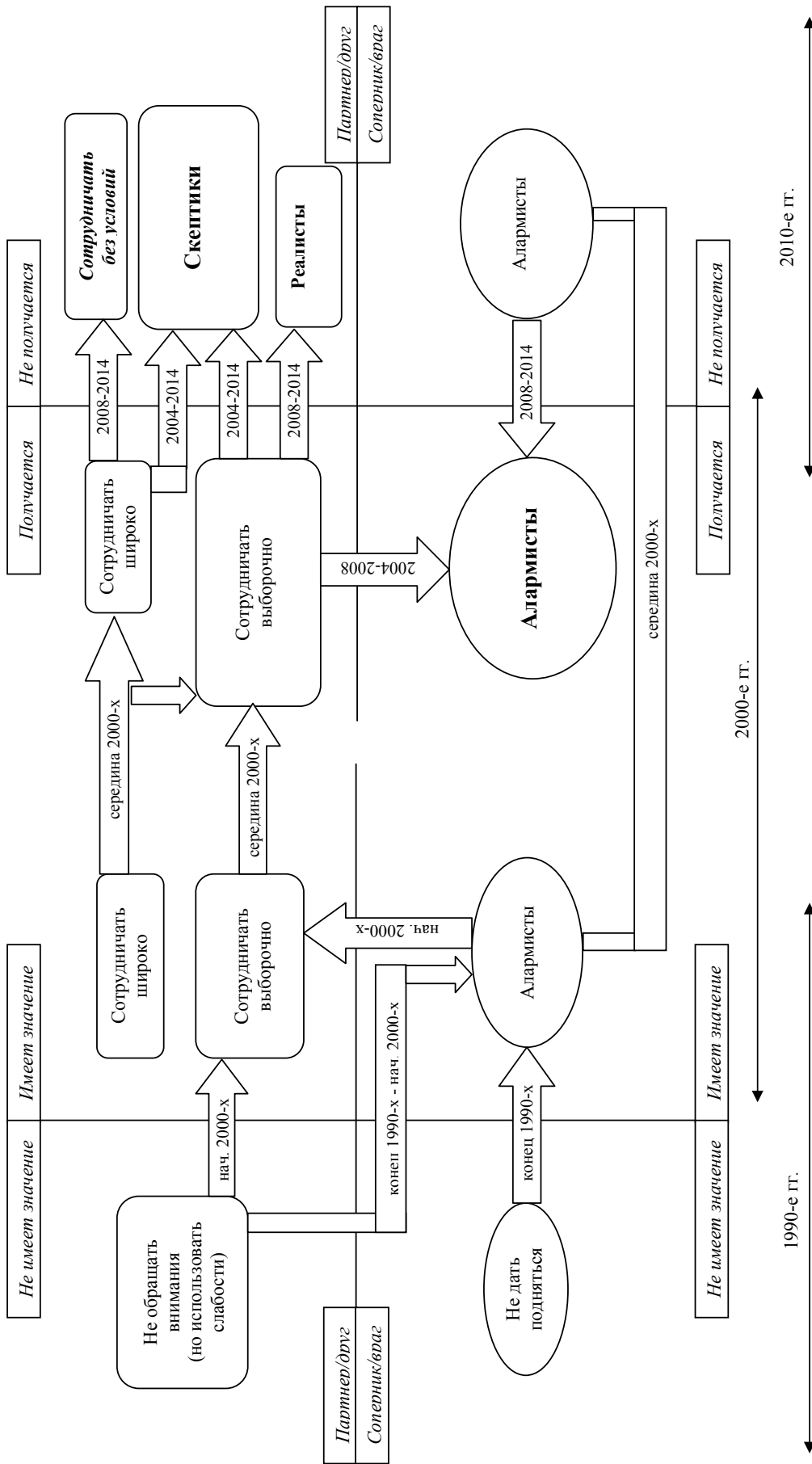


Схема № 2



8. Сафранчук И.А. Ядерные программы Ирана и безопасность России: рамки российско-иранского сотрудничества // Научные записки ПИР-Центра № 8, 1998. С. 38.
9. Сафранчук И.А. Концепция «Новый шелковый путь» и политика США в «Большой Центральной Азии» // Международная жизнь. 2013, Июль. С. 43-53.
10. Шаклеина Т. Будущее российско-американского диалога: выбор после выборов // Индекс Безопасности. № 3 (86), Том 14, 2008. С. 15-32.
11. Шаклеина Т. Эволюция глобальной стратегии США (2001-2011) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 35-58.
12. Шаклеина Т. Будущее американской политики: глобалисты и гегемонисты // Международные процессы. № 4, Том 2, 2004. С. 119-124.
13. Шаклеина Т. В чем «призвание» Америки? // Международные процессы. № 5, Том 2, 2004. С. 34-42.
14. Cohen, Stephen F. The New Cold War and the Necessity of Patriotic Heresy // The Nation 13/08/2014.
15. Blank, Stephen J. NATO Enlargement and the Baltic States: What Can the Great Powers Do? Strategic Studies Institute, 1997. Carlisle, PA: US Army War College.
16. Blank, Stephen J. Towards a New Russia Policy. Strategic Studies Institute, 2008. Carlisle, PA: US Army War College.
17. Blank, Stephen. Russia and the US in the Middle East: Politics and Context. Conflict Studies Research Centre, Middle East Series 06/27, 2006.
18. Blank, Stephen J. U.S. Interests in Central Asia and the Challenges to Them. Strategic Studies Institute, March 2007.
19. Blank, Stephen. "Threats To and From Russia: An Assessment". Journal of Slavic Military Studies, Vol. 21, No. 3, July–September 2008, p. 491–526.
20. Graham, Thomas. It's Putin's World (Russia seeks global stature – the West must deal with Putin's world and support Ukraine) // YaleGlobal, 27 March 2014.
21. Kagan Robert. The Return of History. Los Angeles Times, 2007, 5 August.
22. The Interview: Henry Kissinger // The National Interest. September – October 2015.
23. Kuchins Andrew. Russia Is Back in the Game. Wall Street Journal. 2006, May.
24. Mankoff, J. Russian Foreign Policy. The Return of Great Power Politics. New York: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 2009. pp. 137
25. Mankoff, Jeffrey. "Russia and the West: Taking the Longer View // The Washington Quarterly. Vol. 30, No. 2, Spring 2007. pp. 123-135.
26. McFaul Michael, Stoner-Weiss Kathryn. The Myth of the Authoritarian Model // Foreign Affairs, 2008, January-February.
27. Russia's Wrong Direction: What the United States Can and Should Do. Report of an Independent Task Force. N.Y.: Council on Foreign Relations. 2006.
28. Svante Cornell and S. Frederick Starr (ed.). The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia. 2009, pp. 290.
29. S. Frederick Starr and Svante Cornell (ed.). Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents. 2014, pp. 203
30. Wallander, Celeste A. Russian Transimperialism and its Implications // The Washington Quarterly, Vol. 30, No. 2, Spring 2007.

Об авторе

Иван Алексеевич Сафранчук – к. п. н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: And6958@yandex.ru.

SCHOOLS OF STRATEGIC THOUGHTS ON RUSSIA IN THE US EXPERT COMMUNITY

I.A. Safranchuk

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *This article is devoted to the schools of strategic thought on Russia in the US expert community. The author suggests and underpins the system to classify US schools of strategic thoughts on Russia. Based on this classification the author extracts intellectual fields, within which schools of strategic thought emerge and exist. The suggested methodology is retrospectively applied to describe*

■ Мировая политика

the evolution of US schools of strategic thoughts on Russia in the period after the collapse of the Soviet Union and until the present. The article also dwells on the major contemporary US schools of strategic thought on Russia. Their origins are traced and basic characteristics summarized. Four such schools of thought are suggested, namely – skepticism, alarmism, realism and unconditional cooperation. The author not only describes the schools of thought as such, but also analyses the dynamics of their interactions. The schemes, summarizing the major thesis of the article, must facilitate the reading process. The suggested methodology can be applied by other authors for further analysis of US debates on Russia and US-Russian relations.

Key words: Russia, the United States, Russian-US relations.

References

1. Konyshov V.N. Amerikanskii neorealizm o problemakh mirovoi politiki / Konyshov V.N. Amerikanskii Ezhegodnik. 2006. P. 102-135.
2. Legvol'd Robert. Kak spravit'sia s novoi kholodnoi voinoi [Ways to deal with the new Cold War]. Rossiia global'noi politike. 2014. № 3.
3. Safranchuk I.A. Afganistan v poiskakh balansa [Afghanistan in search of balance]. Rossiia global'noi politike. 2012. Vol. 10. No. 4. P. 112-117.
4. Safranchuk I.A. Puteshestvie v raznykh lodkakh [Sailing in different boats]. Rossiia global'noi politike. 2008. Vol. 6. No P. S. 151-161.
5. Safranchuk I.A. Afganskaia problema v regional'nom kontekste [Afghan problem in the regional context]. Rossiia global'noi politike. 2009. Vol. 7. No 3. P. 181-189.
6. Safranchuk I.A. Evoliutsiia pozitsii SShA v otnoshenii roli Kitaia v Tsentral'noi Azii [Evolution of US approach towards the Chinese policy in the Central Asia]. Mezhdunarodnaia zhizn'. 2015. P. 98-107.
7. Safranchuk I.A. Globalizatsiia v golovakh. Tsentral'naia Azii i Evraziiskaia integratsiia [Globalization in the Heads. The Central Asia and Eurasian Integration]. Rossiia global'noi politike. 2015. Vol. 13. No. 1. P. 120-126.
8. Safranchuk I.A. Iadernye programmy Irana i bezopasnost' Rossii: ramki rossiisko-iranskogo sotrudnichestva [Iran's nuclear program and Russia's Security: A Framework for Russian-Iranian cooperation]. Nauchnye zapiski PIR-Tsentra № 8, 1998. P. 38.
9. Safranchuk I.A. Kontseptsiiia «Novyi shelkovyi put'» i politika SShA v «Bol'shoi Tsentral'noi Azii» [The concept of the "New Silk Road" and the US policy of "Greater Central Asia"]. Mezhdunarodnaia zhizn'. 2013, July. P. 43-53.
10. Shakleina T. Budushchee rossiisko-amerikanskogo dialoga: vybor posle vyborov [Future of Russian-US dialogue: choosing after the election]. Indeks Bezopasnosti. № 3 (86), Vol. 14, 2008. P. 15-32.
11. Shakleina T. Evoliutsiia global'noi strategii SShA (2001-2011) [Evolution of US global strategy (2001-2011)]. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika. 2011. № 3. P. 35-58.
12. Shakleina T. Budushchee amerikanskoi politiki: globalisty i gegemonisty [Future of American politics: the globalists and hegemonists]. Mezhdunarodnye protsessy. № 4, Vol. 2, 2004. P. 119-124.
13. Shakleina T. V chem «prizvanie» Ameriki? [What is the US vocation] Mezhdunarodnye protsessy. № 5, Vol. 2, 2004. P. 34-42.
14. Cohen, S. F. The New Cold War and the Necessity of Patriotic Heresy. The Nation. 13/08/2014.
15. Blank S. J. NATO Enlargement and the Baltic States: What Can the Great Powers Do? Strategic Studies Institute, 1997. Carlisle, PA: US Army War College.
16. Blank S. J. Towards a New Russia Policy. Strategic Studies Institute, 2008. Carlisle, PA: US Army War College.
17. Blank S. Russia and the US in the Middle East: Politics and Context. Conflict Studies Research Centre, Middle East Series 06/27, 2006.
18. Blank S. J. U.S. Interests in Central Asia and the Challenges to Them. Strategic Studies Institute, March 2007.
19. Blank S. "Threats To and From Russia: An Assessment". Journal of Slavic Military Studies. 2008. Vol. 21, No. 3, July–September, p. 491–526.
20. Graham Th. It's Putin's World (Russia seeks global stature – the West must deal with Putin's world and support Ukraine). Yale Global, 27 March 2014.
21. Kagan R. The Return of History. Los Angeles Times, 2007, 5 August.
22. The Interview: Henry Kissinger. The National Interest. September – October 2015.
23. Kuchins A. Russia Is Back in the Game. Wall Street Journal. 2006, May.
24. Mankoff J. Russian Foreign Policy. The Return of Great Power Politics. New York: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 2009. pp. 137
25. Mankoff J. "Russia and the West: Taking the Longer View. The Washington Quarterly. Vol. 30, No. 2, Spring 2007. pp. 123-135.

- 26. McFaul M., Stoner-Weiss K.. The Myth of the Authoritarian Model. *Foreign Affairs*, 2008, January-February.
- 27. Russia's Wrong Direction: What the United States Can and Should Do. Report of an Independent Task Force. N.Y.: Council on Foreign Relations. 2006.
- 28. Svante C. and Starr F. S. (ed.). *The Guns of August 2008: Russia's War in Georgia*. 2009, pp. 290.
- 29. Starr F. S., Svante C. and. (ed.). *Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents*. 2014, pp. 203
- 30. Wallander, Celeste A. Russian Transimperialism and its Implications. *The Washington Quarterly*, Vol. 30, No. 2, Spring 2007.

About the author

Ivan A. Safranchuk – candidate of political sciences, associate professor, Department of political process, MGIMO-University, MFA Russia. E-mail: And6958@yandex.ru.